

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЛО, МИЛИЦИЯ?	5
АЛЛО, КГБ?	267
АЛЛО, ПОМОГИТЕ ХОТЬ КТО-НИБУДЬ!	541

АЛЛО, МИЛИЦИЯ?

Персонажи, кроме Брежнева на плакате и в телевизоре, вымышлены. Любые совпадения случайны.

Глава 1

История — не абстрактная, а прикладная наука. При неосторожном употреблении может приложить по лбу.

Егор Евстигнеев попал под раздачу, можно сказать, случайно. Он даже представить не мог, к чему приведёт его визит на кафедру теории и истории государства и права перед практикой на пятом курсе.

Для чего? Для написания диплома. Мало кто хотел туда идти. Кафедра считалась перспективной только для желающих защищаться, затем до пенсии копить небо в вузе. Кто с деньгами и связями, те устраивались на диплом и преддипломную практику в контору, полезную для работы в будущем. Пацаны собирались в силовые — в Следственный комитет, в прокуратуру, в ФСБ, в полицию. Девчонки — в те же силовые, ещё у них пользовались популярностью адвокатура и нотариат.

Егор колебался в выборе.

Отец всегда говорил: будешь юристом — не пропадёшь. Дал денег на платное. Ими же попрекал, читая нотации в духе «я в твои годы».

Теми годами, пришедшими на первую половину девяностых, он чрезвычайно гордился. Был менялой-валютчиком, якшался с какими-то бандитами. Да и в нулевых случалось всякое. Жили тогда в северной части Москвы. Раз он вёл маленького Егорку по Ангарской из детского сада, когда их остановили мрачные личности. Егор кинулся бежать, нашёл свой подъезд, взлетел на второй этаж и колотил в дверь маме, не дотянувшись до звонка. Евстигнеев-старший объявился только через три дня, исхудавший, тихий. Другие подробности выветрились у мальчишки из головы.

Когда он учился в школе, отец остепенился. Наладил бизнес с белорусами. Начал возить в Москву белорусский трикотаж

и молочные продукты. Влетал на падении курса российского рубля, выручало лишь то, что белорусский рубль валился за российским вслед ещё сильнее.

В десятые годы семья переехала из панельки в квартиру побольше и в район получше, появился дом в Подмоскowie, в сторону Вязьмы. Особенно Евстигнеев любил махнуть к поставщикам-корешам в Белоруссию, иногда брал Егорку.

Для взрослых мужиков там было круто. Отдыхали у озера. Ловили рыбу сеткой. Стреляли по банкам. Запускали в ночное небо китайские фейерверки. Бухали. Шли в баню. Потом Егора отправляли спать, а он через окно слышал звонкие женские голоса. Батя предупреждал: «Я сам ни-ни, ты же знаешь. Но маме на всякий случай не говори. Пусть не волнуется зря».

В целом жизнь двигалась по накатанной дороге. Отец намеревался сделать единственное чадо младшим партнёром в ООО «Евстигнеев и сын». А потом и вообще передать дело в его руки с надеждой, что унаследует деловую хватку и привычку оттягиваться по-рыхлому: в бане, с бухлом, с девицами. Что кинет свою никчёмную рок-группу ради настоящих взрослых дел. Музыкальные интересы Егора расценивались как проходящая блажь. Конечно, запросы у Евстигнеева-старшего были не ахти какие высокодуховные.

Только он скоропостижно скончался. Там же, в Белоруссии. Сказали — инсульт в парной. Привезли урну, кремировав его в Минске. Сын не видел мёртвого и не мог поверить, что витиеватая железная банка — всё, что осталось от отца.

Вдобавок, получив общий курс криминалистики на четвёртом, знал: поспешная кремация зачастую скрывает следы убийства. Евстигнеев-старший был бизнесменом, пусть некрупным. Таких мочат чаще, чем водопроводчиков. Но уже ничего не установишь и не докажешь. Белоруссия — иностранное государство. Пусть сто раз дружественное.

В общем, отметили сорок дней. Помянули. На сорок первый мама Егора привела в квартиру дядю Володю. Так его представила. Высокий, моложе лет на пять-семь. Из Белгорода. При Советах подобную публику звали «лимита».

Мама сказала: «Всё знаю про папины загулы. Про его секретарш-любовниц, сменяемых не реже чем раз в полгода, когда надоедали. Поэтому не удивляйся, сын, появлению дяди Воло-

ди. Фирма „Евстигнеев” будет продана. У неё долги, поэтому на большую сумму рассчитывать не приходится. Твоя доля составит миллион или даже меньше».

Он выдохнул, тупо глядя на знакомые узоры обоев в гостиной и совершенно незнакомого мужика, по-хозяйски откинувшегося в папином кресле.

— Дом под Вязьмой, — напомнил ей. — Он миллионов на двенадцать тянет.

— Заложен, — сообщила мама. — Под бизнес. После погашения кредита, если что и останется, получишь четверть. Я покажу бумаги. Не волнуйся, дорогой. Прослежу, чтоб ни один рубль не ушёл мимо.

На «дядю Володю» — это мимо или в яблочко? Спрашивать не стал. Тот сам заговорил.

— В любом случае, Егор, твоей доли в имуществе фирмы хватит, чтобы год или больше снимать квартиру. Ты уже взрослый, самостоятельный. Скоро университет закончишь, как я слышал. С мамой жить неудобно, дело молодое, девушку надо иногда привести, понимаю.

— Сами вы собираетесь жить здесь?

Сжал зубы, почувствовав, как от гнева и возмущения даже ливер затрясся внутри. Кресла в квартире ещё помнят папин зад, в шкафу лежат его трусы и носки, а этот ушлёпок ведёт себя как обладатель Кольца Всевластия...

— Конечно, парень. Мама же сказала: твой папа вёл себя недостойно. Со мной она будет счастливее. Мы давно с ней вместе.

— О'кей, дядя Володя. Но хочу напомнить, что квартира принадлежит и мне. Я здесь зарегистрирован, у меня есть право проживания.

— Что ты хочешь сказать? Не съедешь?

— Съеду или не съеду — моё дело. Но свою долю в жилище, если я соглашусь вас впустить, я оцениваю в двести пятьдесят тысяч в месяц. За полгода вперёд.

— Егорушка... Как ты можешь... — Шагнула вперёд мама, но дядя Володя её отстранил.

— Пойдём выйдем на коридор, малец, — прошипел он. — Базар будет по-мужски.

В этот день, только на двадцать втором году жизни, Егору впервые выпало как следует постоять за себя. Или жалобно

заскулить, покидая поле боя и законное жильё. Гены отца, выжившего в тёрках и разборках девяностых, не позволили признать поражение.

— О'кей, дядя Володя, — повторил он. — Секунду обожди. Только полицию вызову. Сообщу, что какой-то мутный тип, не зарегистрированный здесь, влез в квартиру и валить не хочет. С ними и говори по-мужски. Ты же в курсе, я практически юрист. Знаю, что ментам заявить. Тёплые вещи и паспорт с собой?

Егор достал смартфон и начал тыкать в тачскрин, но не успел. Володя выбил трубу, затем врезал по физиономии.

Это он зря. Мало какая женщина станет на сторону любовника, принявшегося колошматить её единственного сына.

Короче, совместными усилиями выгнали драчуна. Мама потом рыдала, сын потирал фингал на скуле, утешаясь, что заплатил небольшую цену за то, чтобы вывести «дядю Володю» на чистую воду. Проблема в том, что за ним появится «дядя Гена». Или «дядя Петя». Мама чувствует себя обиженной судьбой за отношение со стороны папы и хочет себе воздать.

В общем, когда перед Егором открылась дверь кафедры, парня больше занимала мысль, куда двигать вообще, а не какая-то дипломная работа. Её правдами или неправдами сдаст. Вот главный вопрос — что делать в жизни — повис без решения.

Взросление произошло на полгода раньше, чем рассчитывал. Хотя... Что бы изменилось за полгода? Да ничего.

В отличие от сокурсников, он ближе к выпуску всё чаще мучился вопросом: для чего это? Зачем я живу? В чём моя глобальная задача? Для чего мы приходим на этот свет?

Из его одногруппников подобными дуростями не страдал никто. Спроси каждого — ради чего старается, ответит: стать успешным, сделать карьеру, наладить бизнес, у девиц — выйти замуж за успешного. Достаточно сказать, что среди них не было ни одного, замеченного в гомосексуальности, сплошь натуралы. Гомики и лесбиянки больше склонны к размышлизмам, рефлексиям всяким, потому их столько подвизается в искусстве. Юристы же, в большинстве своём, конкретны как автомат Калашникова.

Егор не был гомо, но и с девушками получалось редко. Давали ему только те, кто предлагал всем желающим по принципу: кому-нибудь вдруг понравлюсь и возьмут замуж.

Влюблялся, да. Но исключительно в тех, кто не позволил бы и дружеский поцелуйчик. Разве что напоследок — в лоб и в гробу.

— О чём задумался, студент?

— О спящей царевне в хрустальном гробу, Афанасий Петрович.

— Тестостерон, эрекция и мысли о бабах. Работаю в вузах, начиная с СССР. Студенты не меняются.

— Декан иначе формулировал.

— Ну?

Егор криво усмехнулся и подумал: быть может, не стоит начинать общение с руководителем дипломной работы с пошловатого анекдота, но доцент первый произнёс слово «эрекция».

— Артур Игоревич сказал: я старею, жена стареет, любовница... взрослеет. А третьекурсницы всегда свежие!

— Бородатый анекдот. Но — верный. Ничего, юноша. Потерпи лет сорок. Мысли о бабах никуда не исчезнут, зато чаще будут вызывать раздражение, чем похоть. Теку выбрал?

Егор насупился. Он не подготовился. Доцент немедленно впихнул ему плановую. Таковую, что студент едва не взвыл: «История советской милиции в доперестроечный период, 1981–1985 гг.».

У плановости имелся единственный плюс: список рекомендованной литературы составлен заранее. Значит, нужно просто скопировать один текст из десятка. Содрать с одного-двух — плагиат. С полудюжины и более — творчество. Даже наука. Рассказывали, в каких-то вузах преподаватели крали особо талантливые дипломные и переделывали себе в кандидатскую... Точно — не в этом. Компиляцию из десяти монографий не защитишь на учёную степень.

Через месяц, это было начало февраля 2022 года, Егор снова припёрся на кафедру, договорившись с Афанасием Петровичем о встрече.

— Всё прочёл? — спросил руководитель, едва поздоровавшись.

— Нет! Половины источников не существует.

Доцент поправил очки, глядя на студента с неподдельным интересом. Хотя тот и не третьекурсница.

— Почему ты так решил?

Егор достал смартфон. Довольно новый. Мама купила, потому что старый разбил её хахаль.

— Глядите.

Он вводил названия монографий, и «Яндекс» добросовестно предлагал варианты всякого информационного мусора о советской милиции вплоть до фильма «Петровка, 38», но только не ссылку на книжку.

— И что?

— Могу через Google посмотреть. То же самое. Их нет.

Преподаватель снял очки и заржал. Редкие седые волосики, ненавязчиво прикрывавшие череп, затряслись.

— Ох уж это поколение «зэт». Или поколение «альфа», не знаю. Если нет в интернете, не существует вообще?

— Естественно.

— Самое смешное, что вы, молодёжь, абсолютно правы. Необходимое полностью выложено в Сеть. А если не выложено, значит, никому и не нужно. Но с историей иногда иначе. Вот представьте. На пересечении Моховой и Воздвиженки что-то есть. Не исследованное, не выкопанное археологами, не обличенное историками. Разумеется, про него не опубликовано в интернете. Да, в научном обороте его не существует. А на самом деле? Вдруг там клад? Или аномалия?

Отвлечённые умопостроения Егора сейчас мало интересовали. Хотелось быстрее набрать файлы с источниками и, потратив семь вечеров в течение недели, слепить относительно связный рассказ о советских ментах, сдать на кафедру и забыть.

Чисто из вежливости он спросил:

— Ну и что там — на пересечении Моховой и Воздвиженки?

— До войны стояла усадьба Стрешнёвых-Нарышкиных. Сталин приказал её снести. Вместо неё возведено помпезное угловатое здание Ленинской библиотеки. Сейчас — Российская государственная библиотека. В ней хранится всё, о чём только можно мечтать.

— В смысле... Не электронная библиотека? Бумажные книги?

— Ты же коренной москвич, Евстигнеев, так? — ответил доцент вопросом на вопрос, хоть за еврея принять его невозможно. — Вы такие ограниченные! Кто приезжает с периферии, наоборот — жадные. Норовят всё узнать, всё попробовать, заранее пристроиться. А вы устроены с детства. Поэтому ленишься шевелиться. Давай так. Завтра в десять утра. Встречаемся, где регистрация новых читателей. Я тебя проведу и покажу, как пользоваться картотекой.

— Завтра суббота! — взмолился он.

— Это у тебя суббота. И будет ещё масса суббот и воскресений. Мне идёт седьмой десяток. Много хочу успеть, а времени нет. Поэтому для меня понедельник начинается в субботу, как у Стругацких. Работа. Не хочешь — не неволю. Сам будешь искать, потратив лишнее время.

Вот же... хороший человек, трам-пам-пам, матюгнулся про себя Егор.

Рефераты и прочие сочинения на заданную тему в прошлые четыре года он писал, мышкой выдирая нужные куски из источников, набранных в Сети. Почему сейчас не так?

Делать нечего. Ежу понятно, коль не найдёт те раритеты, доцент хрен допустит к защите. Их же надо фотографировать, затем руками набивать весь текст на клавиатуре... Грёбанный Афанасий Петрович!

Студент уел его лишь тем, что онлайн зарегистрировался заранее и заказал книжки по его списку. Да, в электронном каталоге нашлись все. Этим огорошил старика. Тот что-то пробормотал о пропащем в интернете поколении и потащил парня в гардероб.

Книжки уже ждали на выдаче. Но доцент решил устроить экскурсию. Прочитал целую лекцию о фундаментах старых особняков, погребённых под сталинскими угловатыми не то пакгаузами, не то мавзолеями.

Шагая за ним, Егор усомнился, что от дома Стрешнёвых-Нарышкиных сохранились подвалы. Под библиотекой метро. Здесь всё копано-перекопано и перезалито бетоном.

Наконец дедунчик вздумал отлить и повёл спутника в крыло, для посетителей не предназначенное, перебазирив с кем-то из знакомых сотрудников того же бумажно-книжного поколения. В туалете доцент направился в кабинку. И пропал внутри. Люди входили и выходили, правда — редко. Егор тоже воспользовался писсуаром. Сполоснув, вытер руки и прикинул: чего, собственно, ждать? Стучать в дверцу и вопрошать «эй, ты не помер?» — как-то невежливо. Понадобится — наберёт. Студент потопал искать выход в читальный зал самостоятельно.

Вскоре обнаружил, что забыл дорогу. Вроде бы свернул не в тот коридор. Открывшийся проход показался каким-то архаичным. За деревянной массивной дверью потянулся слабо освещённый тоннель с грубыми кирпичными стенами. Если не